

**«БЕСЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И «МЕЛКИЙ БЕС»
Ф. СОЛОГУБА**

Роману «Мелкий бес» предпослан анонимный эпиграф: «Я сжечь ее хотел, колдунью злую». На фоне эпиграфов, заимствованных из классических или других общеизвестных текстов, стихотворная строка в данном случае воспринимается как отрывок из какой-то хрестоматии: обычно педантичный автор стремится показать повторяемость событий, отсылает к аналогичному опыту человечества. Но Сологуб, взяв в качестве эпиграфа начальную строку из собственного стихотворения, таким образом как бы сам себя канонизирует.

Эпиграф Сологуба тесно связан с эпиграфами к роману «Бесы». Перекликаясь с первым эпиграфом Достоевского, он вводит в атмосферу inferнального разгула, господствующего в романе «Мелкий бес». В то же время он сознательно противопоставлен второму эпиграфу Достоевского, как бы ставит под сомнение саму возможность одоления зла¹.

Эпиграф Сологуба является сжатой, но удивительно точной формулой содержания романа «Мелкий бес», указывая не на внешнюю цепь событий, а на их сокровенный смысл. На эмпирическом уровне романа Передонов, стремясь заполучить место инспектора,

[В основу статьи положен доклад «Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» и роман Ф. Сологуба «Мелкий бес», прочитанный на всесоюзной конференции «Ф. М. Достоевский в мировой культуре» в ленинградском музее Ф. М. Достоевского в 1975 году].

¹ В стихотворении «Я сжечь ее хотел, колдунью злую», которое написано в 1902 году (год окончания работы Сологуба над романом «Мелкий бес»), речь идет о тщетной попытке избавиться от злой, враждебной силы. Герой надеется освободиться из-под власти чуждой стихии. Но зло только уплотняется («огнем упитанное тело»), концентрируется, сгущается:

И говорит она: «Я не сгорела, —
Восстановил огонь мою красу.
Огнем упитанное тело
Я от костра к волшебству унесу».

Ф. Сологуб. Стихотворения. Л. Советский писатель. 1975. С. 271.

которого он может добиться благодаря протекции петербургской княгини, становится жертвой действительных и мнимых интриг, сходит с ума и совершает убийство². По мере развития сюжета в расстроенном сознании героя княгиня теряет свой реальный облик и смыкается с угрожающими Передонову колдовскими силами. Действие переключается в иной план, в котором безумие Передонова объясняется дьявольским наваждением.

В романе «Мелкий бес» происходит множество фантастических событий. Все ли они, в соответствии с авторской волей, могут быть объяснены болезнью Передонова? Существует ли, например, недотыкомка на самом деле, включена ли она автором в описываемый порядок (точнее — беспорядок) вещей, или она целиком порождение больного сознания Передонова? Вопрос не простой, если учесть, что недотыкомка вплетается Сологубом в общую систему фантазмагорического в романе: колдовства, заговоров, видений, подмен, бреда, абсурдных слухов и т. п.

Герой может оказаться оборотнем (Володин — наперсник Передонова — превращается в барана), а кот — «тайным жандармским унтер-офицером», который «ночью, когда все спят, наденет голубой мундир, да и шаст к жандармскому офицеру»³. Город переполнен ведьмами и колдуньями, механическими куклами, заведенными автоматами. Сам Передонов оказывается, как сказано в романе, «трупом, движимым внешними силами»⁴.

Гротескный мир романа слишком убедителен, злые силы выпущены и резвятся на воле, городом овладевает хаос.

В начале романа автор предупреждает: «Все принарядились по-праздничному, смотрели друг на друга приветливо, и казалось, что в этом городе живут мирно и дружно. И даже весело. Но все это только казалось»⁵.

Это разоблачение видимости на фоне первых глав романа воспринимается всего лишь как моралистская сентенция. Но в контексте всего романа первый его абзац уже не так безобиден. «Но

² Служба учителя в уездном городе Великие Луки во второй половине 80-х годов дала Сологубу богатый материал для работы над романом «Мелкий бес». Писатель не только перенес в роман точнейшую топографию города, но также запечатлел повседневную жизнь и интересы его обитателей. Кошмарную историю, произошедшую с учителем великолуцкого городского училища Иваном Ивановичем Страховым, Сологуб использовал при создании своего Передонова. — См. об этом: И. Ю. Улановская. О прототипах романа Ф. Сологуба. «Мелкий бес» — Русская литература. 1969. № 3.

³ Ф. Сологуб. Мелкий бес. М. Художественная литература. 1988. С. 225.

⁴ Там же. С. 237.

⁵ Там же. С. 25.

все это только казалось» — фраза эта сразу переводит все повествование в иной план, сразу включает в общую систему ирреального.

Если все недействительно и только кажется, то в читательском восприятии недотыкомка, как и другие фантастические образы, как бы отделяются от сознания Передонова.

В романе Сологуба нет еще того гротескного максимализма, который решается обходиться без правдоподобных мотивировок (сном, галлюцинациями и т. д.). Недотыкомка бегаёт на привязи мотивировки. Оборвать эту связь — значит создать новый тип романа, сочетающий в себе густоту быта с фантастикой самой безудержной и внешне немотивированной. Сологуб предсказывает такой тип романа, но не осуществляет до конца.

Художественному поиску Сологуба в этой области созвучны мысли Достоевского о фантастическом (изложенные им в письме Ю. Ф. Абазе в 1880 году), в частности его истолкование фантастического колорита «Пиковой дамы»: «Фантастическое должно до того соприкоснуться с реальным, что Вы должны почти поверить ему. Пушкин, давший нам почти все формы искусства, написал «Пиковую даму» — верх искусства фантастического. И вы верите, что Германн действительно имел видение, и именно сообразное с его мировоззрением, а между тем, в конце повести, т. е. прочтя ее, Вы не знаете как решить: вышло ли это видение из природы Германна, или действительно он один из тех, которые соприкоснулись с другим миром, злых и враждебных человечеству духов» (30, кн. I; 192) ⁶.

Высказывание Достоевского об искусстве фантастического вводит нас в его творческую лабораторию. В романе «Бесы» (глава «У Тихона») Ставрогин со страхом признается старцу, что «он подвержен, особенно по ночам, некоторого рода галлюцинациям, что он видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо, насмешливое и «разумное», «в разных лицах и в разных характерах, но оно одно и то же...» (11; 9).

Натуре Ставрогина, «праздной силе, — по выражению Тихона, — ушедшей нарочито в мерзость» (11; 25), соответствует злобное, насмешливое, исполненное пошлым здравомыслием существо. Тихон проницательно разгадал в Ставрогине этого беса пошлости

⁶ В романе Сологуба имеются параллели к пушкинской повести. Петербургская княгиня, от которой зависит судьба Передонова, в то же время является и недоброжелательной к нему пиковой дамой из карточной колоды. Сологуб не снимает и эротического мотива, который присутствует у Пушкина. Весьма возможно, что эти отсылки в романе к повести Пушкина знаменуют собой преемственность в разработке темы фантастического.

и срединности (11; 10—11)⁷. Такой бес полностью исчерпывает и сущность Передонова⁸.

На первый взгляд, что общего между красавцем, идеологом, разбрасывающим гениальные идеи толпе последователей, и жалким, трусливым провинциальным училищником, крадущим фунт изюму у кухарки?

Из всех inferнальных героев Достоевского Ставрогин выделяется тем, что в нем зло в наивысшей степени произвело свою разрушительную работу и сам он становится источником зла и одновременно его орудием. Передонов, по замыслу Сологуба, также одержим злыми силами (даже в лице своего героя Сологуб, как и Достоевский, подчеркивает некую неподвижность, мертвенность).

Достоевский и Сологуб раскрывают психологические и метафизические основания одержимости и беснования.

В статье «Анна Каренина как факт особого значения» (Дневник писателя за 1877 год) Достоевский в обобщенном виде выразил свою давнюю мысль о таинственной и во многом непостижимой природе зла, агрессивного по своей сути, притягивающего к себе человеческую волю и ее себе подчиняющего (25; 201). Наблюдениями над феноменом зла, теми или иными его сторонами богаты самые ранние произведения писателя. Глубоко аналитичны по своему характеру размышления героя романа «Униженные и оскорбленные», который испытывает «мистический ужас» перед чем-то «непостижимым и несуществующим в порядке вещей», но что может «осуществиться, как бы в насмешку всем доводам разума...». Уже в то время Достоевский предполагал иррациональную стихию злого начала и бессилие перед ним человеческого разума (3; 208). В последующих романах, и в частности в «Бесах», писатель углубил свое понимание мирового зла.

Среди вариантов правки главы «У Тихона» есть примечательное свидетельство Ставрогина о самом себе. После совершения им преступления впервые в жизни он «строго формулировал про себя, что не знает и не чувствует зла и добра и что не только потерял ощущение, но нет зла и добра, а один предрассудок, что он может быть свободен от предрассудка...» (12; 126).

Тем ужаснее было для него видение поруганной им девочки, грозящей ему с порога. Оказалось, что он не чужд сострадания, что ощущение добра и зла он не потерял. В то же время сознание,

⁷ Кириллову, фанатику «человекобожеской» веры, принадлежит почти афористичное определение ставрогинской «срединности»: «Ставрогин если верует, то не верует, что он верует. Если же не верует, то не верует, что он не верует» (10; 469).

⁸ Недотыкомка — тоже существо злобное, многоликое и насмешливое.

что зла и добра нет, остается при нем полностью, а следовательно, это ощущение лишается для Ставрогина какого бы то ни было смысла. Ставрогин попадает в порочный круг. Сострадание, проявившееся в нем против его воли и его волей неустранимое, Ставрогин не хочет признавать за проявление собственной природы и вынужден объяснять кознями неких анонимных сил, существование которых он же отрицает. Зависимость от них унижает Ставрогина и рождает в нем «дурной страх» (11; 10 — слова Тихона, которому на мгновение приоткрылась ставрогинская душа).

Этот «дурной страх» закрывает для Ставрогина путь «великодушного» (по отзыву самого Ставрогина — 10; 514) Кириллова — путь «человекобожества». У него нет полной уверенности даже в том, что смерть принесет ему избавление от видения грозящей девочки. Быть до конца свободным от какого-то неясного представления о сверхъестественном (допустим, на манер свидригайловской бани с пауками) он не может.

Тогда Ставрогин решается встать на другой «великий» путь — обнародовать «Исповедь» о своем преступлении. Слово «великий» в устах Тихона не является завышенной оценкой решения Ставрогина. Старцу доступны самые потаенные движения его души. В одном из вариантов главы «У Тихона» он проникновенно обращается к Ставрогину: «Вас поразило до вопроса жизни и смерти страдание обиженного вами существа: стало быть, в вас есть еще надежда» (12; 115).

Опубликовав «Исповедь» и тем самым выставив себя на всеобщий позор, Ставрогин добровольной самоказню хочет внести добро в мир, как бы сотворив его заново и вернув таким образом нравственный смысл собственному ощущению добра и зла.

Здесь Ставрогина и ожидает катастрофа. Подлинным мотивом «великого» решения является не вера, а вызов враждебным Ставрогину силам, перед которыми он испытывает «дурной страх». Получается, что как раз эти силы и провоцируют Ставрогина, подталкивают его исподволь к опубликованию «Исповеди». Иначе говоря — бес искушает Ставрогина⁹.

Одержимость Ставрогина подчеркивается Достоевским. Настаивающий перед Тихоном на немедленном обнародовании «Исповеди», он находится как бы вне себя: «Я не могу ждать, не могу... — прибавил он неистово» (12; 117).

Тихон разгадал таившееся под личиной добра зло, предрекая Ставрогину новое злодейство, которое тот совершит для того, чтобы только не опубликовать «Исповедь». Бес подведет Ставро-

⁹ Не случайно «Исповедь» начинается словами «От Ставрогина» — это как бы кощунственное переименование начала евангелия, евангелие От беса.

гина к нравственному подвигу, но долей мгновения раньше бросит в преступление. Психологически у Достоевского это объясняется следующим образом.

В последний момент скажется «срединность» Ставрогина, его пошлый «здравый смысл», смертельный враг истинной веры (тот самый, который помешал черту Ивана Карамазова воскликнуть со всеми «Осанна»), — этот «здравый смысл», который и вел Ставрогина к подвигу, напомнит ему, что абсолютного добра и нравственной гармонии нет и что, следовательно, его подвиг не величествен, а смешон и унизителен¹⁰. Ставругин тут же прочувствует всю тщету своего «великого» решения. А так как его подвиг должен был осмыслить и оправдать жизнь не только его (ставругинскую), но и всего человечества, — то от сознания своего бессилия (Достоевский считал, что такой парадоксальный переход добра во зло происходит по «закону отражения идей» — 24; 48) Ставругин чувствует ненависть к людям¹¹. Ненависть рождает желание отомстить, ведет к преступлению.

Осмысляя эту человеческую трагедию, Достоевский приходит к убеждению, что действительное стремление человека (и человечества) к истине и добру может иметь своим подлинным мотивом «мстительную жажду благообразия» (частое выражение писателя). И приводит она не к утверждению добра в мире, а ко все большему распространению зла.

В контексте романа эта двусмысленность духовных блужданий Ставрогина служит философским обоснованием той бесовской одержимости, которая охватила весь город.

Именно поэтому судьба Ставрогина приковывала внимание Сологуба, когда он писал своего «Мелкого беса».

Сологуб придал духовной трагедии Ставрогина универсальное значение. Крах Ставрогина возводится Сологубом в символ исканий человеческого духа.

Анализ романа «Мелкий бес» дает понять логику развития мысли писателя. Если на пути человечества к истине встает все- сильный «здравый смысл», провоцирующий на сомнение в достижении конечной цели и (как следствие) на мстительные злодеяния, — то именно «здравый смысл» и соблазняет на духовный по-

¹⁰ Схожая ситуация ввергнет Ивана Карамазова в пучину безумия, ибо его душа не перенесет служения тому, во что он сам не верит.

¹¹ Подобную мотивировку возможности перехода добра во зло находим у Достоевского в статье «Голословные утверждения» (Дневник писателя за 1876 год): «сознание своего совершенного бессилия помочь (...) страдающему человечеству, в то же время при полном вашем убеждении в этом страдании человечества, может даже обратить в сердце вашем любовь к человечеству в ненависть к нему» (24; 49).

иск. Более того, пошлый «здравый смысл» есть сущность всего бытия. Вековечна его насмешка над человеком: попробуй-ка, на-шептывает он, испытай себя. Дьявол ведет человека к осмыслению жизни, обретению истины — таково пессимистическое заключение Сологуба.

Если для Достоевского тоска по истине — это голос Бога в душе человека, но при этом лишь вера в бессмертие способна претворить неясное томление души в осознанное служение добру, то Сологуб утверждает, что даже надежда на окончательную всепримирающую гармонию — это голос дьявола. Даже на образ Христа падает какой-то дьявольский отблеск. Среди рукописей писателя есть «Афоризмы», написанные им в течение 90-х годов. Христос и дьявол в них сближаются: «Воистине, Он близок Сатане и недаром беседовал с ним в пустыне»¹². Аналогичные темы и мотивы можно встретить в стихотворениях Сологуба тех лет.

Сюжет «Мелкого беса» вводит читателя в мир интриг, существующих более в воображении Передонова, чем на самом деле. Они тесно связаны в его сознании с представлением об инспекторском месте, которое Передонов отождествляет с устойчивостью своего положения в обществе. На высшем уровне романа душевное расстройство героя символизирует собой анонимную угрозу человеческому существованию перед лицом вездесущего зла.

Отчетливо момент перехода с эмпирического уровня на высший можно наблюдать в черновых материалах к роману. Возьмем для примера выдуманные Передоновым интриги со стороны хозяйки квартиры, где живет он. Его страх вызван вполне конкретной опасностью. Совершенно иначе выглядит ужас Передонова перед глобальной анонимной угрозой. Он сродни описанному Достоевским в романе «Униженные и оскорбленные» «мистическому ужасу», который порождается чем-то «стоящим вне естественного порядка вещей». «В душе Передонова было тоскливо. Он не знал, что с ним сделает хозяйка, но думал, что она может сделать ему что-то скверное: донесет, задушит или (тут момент переключения планов романа. — Б. У.) еще что-то неведомое, грозное в самой неведомости своей»¹³.

Инспекторское место, по мере развития сюжета, постепенно теряет свое первоначальное значение, в нем начинают проступать смысловые оттенки правды и справедливости, а достижение инспекторского места приобретает значение приближения к истине: «Глаза его (Передонова. — Б. У.), безумные, тупые, блуждали, не останавливаясь на предметах, словно ему всегда хотелось загля-

¹² Ф. Сологуб. Афоризмы. — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. № 199. Л. 11.

¹³ Ф. Сологуб. Мелкий бес. — ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. № 199. Л. 49 об.

нуть дальше их, по ту сторону предметного мира, и он искал каких-то просветов»¹⁴. Да и сами события, происходящие на страницах романа, принимают двойственный характер. Так, обнаруженный Передоновым обман с письмом — это и озарение героя: он находился в руках дьявола и творил зло. Совершаемое Передоновым в конце романа убийство знаменует собой уже добровольное служение дьяволу.

В «Мелком бесе», как и в романе Достоевского (особенно в журнальном варианте «Бесов») есть общая им точка отсчета, от которой неудержимо начинает нарастать катастрофичность событий. Это — явление герою беса. В этом месте впервые начинает проступать, так сказать, высший смысл романа.

Во время молебна у Передонова появляется «смутное настроение, похожее на молитвенное»¹⁵ (из черновых материалов следует, что как раз к этому времени в герое созрело решение от защиты перейти к борьбе со злом). Здесь же, на новой квартире, где и служили молебен, впервые Передонов обнаружил подле себя безликое существо — недотыкомку, которая поддразнивала его и посмеивалась над ним¹⁶. Присутствующий тут намек на собственное стихотворение Сологуба проясняет ситуацию.

Когда я в бурном море плавал,
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, Дьявол,
Спаси, помилуй, — я тону.

Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, —
Я власти темного порока
Отдам остаток черных дней». (...)

И верен я, отец мой Дьявол,
Обету, данному в злой час,
Когда я в бурном море плавал
И ты меня из бездны спас.

Тебя, отец мой, я прослаблю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восславлю
И, соблазняя, соблазню.

(23 июля 1902)¹⁷

¹⁴ Ф. Сологуб. Мелкий бес. М. Художественная литература. 1988. С. 250.

¹⁵ Ф. Сологуб. Мелкий бес. М. Художественная литература. 1988. С. 126.

¹⁶ Роль беса-провокатора, своими насмешками подталкивающего Ставрогина к принятию «великого» решения, самому Ставрогину едва ли не очевидна: (бес. — Б. У.) «утверждал, что я фокусничаю, ищу бремени и неудобноносных трудов, а сам в них не верую» (12; 141).

¹⁷ Ф. Сологуб. Стихотворения. Л. Советский писатель. 1975. С. 278—279.

Так же и Передонов, бессознательно, но по своей воле, воззвал к дьяволу и предался ему. Сперва Передонов об этом даже не догадывается. Как ему кажется, во имя правды он сражается со злом. В конце романа он уже добровольно отдает себя в руки дьяволу и по его нарушению совершает поджог¹⁸ и убийство. Так в романе реализуется мысль Сологуба о дьявольской подоплеке всякого стремления к истине.

Сравнив два эпизода, связанные с письмом Передонову от петербургской княгини, нетрудно заметить момент прозрения героя.

В одном из них долгожданное письмо сообщает, что инспекторское место, можно сказать, у Передонова в кармане. В то же время на высшем уровне романа это событие должно означать торжество истины, ее близкую победу. Но вот как странно выглядит «ликование» Передонова: «Он стукнул кулаком по столу, не сильно и не громко, — и движение его, и звук его слов оставались как-то странно равнодушными, словно он был чужой и далекий своим делам»¹⁹. В буквальном смысле слова его дела — «чужие дела», ведь герой служит дьяволу.

Иной выглядит реакция Передонова, когда раскрылся обман с письмом: «Вдруг бешеная ярость охватила Передонова. Обманули! Он свирепо ударил кулаком по столу...»²⁰. С Передонова соскакивает всякое равнодушие, исчезает его механистичность. Безличное «обманули!» подчеркивает, что герою приходится распрощаться не только с надеждой на инспекторское место. Обман принимает поистине вселенские размеры: нет истины, нет добра, а есть лишь дьявольская насмешка над людьми. Надежда сменяется ненавистью и местью. Находясь уже в полном подчинении дьяволу, Передонов готовится к убийству. При этом высший уровень романа предельно обнажается. Прислушаемся к разговору, который происходит непосредственно перед убийством между убийцей и его жертвой:

— Ну, мы с тобой, Павлуша, будем пить, только вдвоем. И ты, Варвара, пей, — вместе выпьем, вдвоем.

Володин, хихикая, сказал:

— Ежели и Варвара Дмитриевна с нами выпьет, то уж это не вдвоем выходит, а втроем.

— Вдвоем, — угрюмо повторил Передонов.

¹⁸ Цель поджога — истребление зла. Недотыкомка подсказывает Передонову «напустить ее, недотыкомку огненную ... на эти тусклые, грязные стены» здания клуба, где происходит вакханалия маскарада. — Ф. Сологуб. Мелкий бес. М. Художественная литература. 1988. С. 273.

¹⁹ Ф. Сологуб. Мелкий бес. М. Художественная литература. 1988. С. 200.

²⁰ Ф. Сологуб. Мелкий бес. М. Художественная литература. 1988. С. 281.

— Муж да жена — одна сатана, — сказала Варвара, и захохотала²¹.

Житейски здесь все понятно: безумный Передонов не в ладах с арифметическими действиями, и Варвара шуткой (правда, многозначительной) как бы примиряет спорящих. Но в самом высшем смысле Передонов не погрешил против арифметики: он уже не принадлежит трехмерному миру и находится в ином, инфернальном измерении. Варвара осталась где-то там, в земном пространстве. А в дьявольском мире, где сейчас произойдет убийство, и счет иной — тут он с Володиным выпьет действительно вдвоем.

Как и в «Бесах» Достоевского, в романе Сологуба с явлением черта герою действительность все более начинает принимать хаотический характер. Недотыкомка становится все активнее (при первом появлении она только посмеивается и поддразнивает Передонова, он еще протягивает к ней руку, но она быстро ускользает²²).

Под все усиливающийся хохот недотыкомки Передонов строит планы сокрушения зла. Направляемые недотыкомкой, его действия несут в себе угрозу для окружающих.

Перед развязкой недотыкомка явится герою «пламенной» и «кровавую», предвещаая пожар и убийство, и будет уже не хохотать, а «стонать и реветь»²³.

Как и в романе Достоевского, своей кульминации разгул бесовства достигает в сценах маскарада и последующего пожара. Ажиотаж вокруг маскарада напоминает ожидания, связанные с «днем увеселения» (10; 236) в пользу гувернанток в «Бесах». Циркулируют нелепые слухи о необыкновенных призах за лучший костюм («корову даме, велосипед мужчине»²⁴), возбуждение сменяется разочарованием и злобой, воцаряется безобразие.

Некоторые маски, претендующие на либеральную критику, вызывают в памяти «литературную кадрили» из «Бесов». В неопубликованных материалах к «Мелкому бесу» есть одна любопытная деталь, которая дополняет сходство маскарада с праздником в честь гувернанток — присутствие на нем столичных знаменитых писателей Тургенева и Шарика (у Достоевского — пародия на Тургенева, у Сологуба — на Скитальца и Горького).

²¹ Там же. С. 283.

²² В словаре Даля есть слово «недотыка» — кого или чего нельзя дотронуться» (В. И. Даль. Толковый словарь. Т. II. М. 1955. С. 516). Таким образом в самой семантике слова «недотыкомка» содержится намек на ее принадлежность к миру потустороннему.

²³ Ф. Сологуб. Мелкий бес. М. Художественная литература. 1988. С. 253.

²⁴ Там же. С. 258.

Существенна и такая параллель. Ставрогина и Передонова сопровождают своего рода наперсники, собутыльники — соответственно Лебядкин и Володин. Внутри обеих пар — сходное речевое противоположение. Мрачному немногословию одного соответствует болтливость другого, переводящая высказывание патрона в пародийный план. Басня Лебядкина «Таракан», комментарий к басне, а также его постоянные философические эскапады пародируют некоторые идеи, общие для Ставрогина и Кириллова. Отрывистая фраза Передонова находит свое развитие и теряет свою тяжеловесность в витиеватой речи Володина:

— Уши вянут, такой вздор вы несете, — сказала Грушина. Передонов свирепо посмотрел на нее, и ответил с жесточением:

— А коли вянут, оборвать их надо.

(...) Володин, щуря глаза и потряхивая лбом, смешливо объяснял:

— Если у вас уши вянут, то вам их оборвать надо, а то нехорошо, коли они у вас завянут и так мотаться будут, туда-сюда, туда-сюда.

Володин показал пальцами, как будут мотаться вялые уши»²⁵.

Не случайно, что в портретной характеристике Лебядкина встречается сравнение его с быком. Гибнет он по попусшению Ставрогина от удара ножа (в романе сказано: «крови из него вышло, как из быка» — 10; 396). Намек, имеющийся у Достоевского (жертвоприношение дьяволу), Сологуб развивает в своем романе.

Сравнение Володина с барашком сопровождает его на многих страницах романа, разнообразно обыгрывается и разворачивается вплоть до его последней минуты, когда Передонов перерезает ему горло ножом. Мотив адской ритуальной жертвы звучит и здесь.

Особый интерес представляет проблема взаимоотношения хроникера и героя в романах, которая в определенной степени Достоевским и Сологубом решается одинаково. Очевидна поверхностность хроникерского комментария к происходящим событиям, подчеркнута их морализаторство, сентенциозность, которые, естественно, не могут дать истинной оценки поступков героев. Такая интерпретация — многофункциональна. Основная ее функция в романах Достоевского и Сологуба — обнажить сверхэмпирическое происхождение причин возникшего хаоса. Правда, в романе «Мелкий бес» по мере наступления дьявольского разгула отпадает нужда в функции хроникера и роль автора сводится к объективации видений Передонова. Видения Передонова описываются не его пошлым языком, им свойствен язык утонченный, пронзитель-

²⁵ Ф. Сологуб. Мелкий бес. М. Художественная литература. 1988. С. 64.

ный, даже иногда пряный, резко противоположный обыденности, заземленности.

В отличие от романа Сологуба хроникер в «Бесах» лично причастен к событиям, но поскольку главный герой повествования для него во многом загадка, он неизбежно предстает в одностороннем освещении хроникера. Читатель как бы настраивается на определенное восприятие героя. И только во второй части романа, когда голос хроникера будет временами умолкать, главный герой прорвется через завесу односторонних оценок к читателю и предстанет в истинном свете.